

Кончается безумное столетье.
Горят смола позора и елей.
Что остаётся? Тучи на рассвете
и то ли броневик, то ль мавзолей.

Но что кричать о Родине своей
измученной? Сгорели наши клетки.
Пора садить деревья на планете,
где Русь была—любой свечи белей.

Горят знамён переходящих тонны.
Валяются графины, мегафоны.
И кажется, за мглистою верстой
стоят, взмахнувши бледными руками,
и смотрят, смотрят мокрыми глазами
на нас Радищев, Пушкин и Толстой...

Благодарю за то, что не убили.
За то, что оболгали, говорю,
за то, что в душу лезли—руки в мыле—
и не нашли её, благодарю!

Я душу поменял—я в той синице,
что с жёлтой ветки смотрит на зарю,
я в ручейке, что в океан стремится,
и в рыбке золотой, благодарю...

Я в той соломке, что сверкает в поле,
и в звёздочке—я вместе с ней в раю.
Вот почему не чувствую я боли,
а радость чувствую! Благодарю!

В аэропорту

Пассажиры глядят на солнце.
Полетит или нет самолёт?
Вдруг по радио: «Мальчик нашёлся.
Смуглый. В синих чернилах рот.
Что ни спросят его—молчит он.
И не пьёт ни крошущю, ни ситро.
Посмотрите, мамы,—стоит он
возле справочного бюро...»
Я курю. Пью пиво я с солью.
На коленке блестит чешуя...
Я пойду посмотрю-ка, что ли.
Может, это нашёлся я?

Запоздалый гром

Сырая мгла к рассвету мир заволокла.
Погасли звёзд-сиделок крохотные спицы.
Мигнула молния—а женщина спала,
лишь только вздрогнули ресницы.

Мигнула молния, но женщина спала,
покуда гром далёко был, ещё в дороге,
и озарилась с фотоснимками стена...
Там лица, лица, лица—люди, а не боги.

Там лица, лица—муж на дальней той войне,
муж молодой ещё, идущий по Берлину,
муж на арбе, муж с юной ёлкой на спине,
муж, улыбающийся маленькому сыну,
уже старик, и рядом сын с седым вихром,
дочь с полотенцем у костра, старик с ведёрком...

Мигнула молния—но был далёко гром,
ещё за тем лужком клубничным, за пригорком,
мигнула молния—но женщина спала,
катился гром по длинным улицам села...

Ну а пока к её двору он доберётся,
проходит жизнь, сплит со снимками стена,
смеются дети, не кончается война,
вода блестящая выходит из колодца,
горит, как гребень золотой, в сениях пила,
и лица, лица со стены и со стола—
их видит женщина закрытыми глазами...

Но вот и гром потряс её забытый дом,
в печи угрюмо звякнули ухват с горшком—
зола подъятая выходит облаками...

Проснулась женщина—и спичкой провела
по коробку, его царапая ногтями.
В окно втекала громом взмётанная мгла...
И что же высветило жёлтенькое пламя?

Оно, как яблоко, в невидимых стенах
из мрака робко извлекло на миг единый
лицо старухи с острым носом и в слезах,
одно лицо лишь моей матери родимой...

Нет ничего вокруг—нет боле ничего!—
нет фотографий, стен, нет никаких селений,
нет лошадей, людей—а только лишь всего
лицо старухи с жёлтой спичкой во Вселенной...

● ● ●
От города тянуло смрадом,
тем ядом химии, теплом,
когда нет места ни дриадам,
ни феям в свете голубом.

Когда к тебе приносят на дом
повестку, в дверь стуча багром:
жить рядом людям, птицам, гадам
от силы год ещё... потом

останутся одни заводы
на огненном ветру свободы,
как шарфы распустив дымы...
А мы опять уйдём в пещеру
лепить безрукую Венеру—
насиловать привыкли мы.

● ● ●
А может, хватит горевать?
Давай укатим зоревать,
варить уху и с кружкой водки
о невозможном заливать?

Средь синих тоненьких осин
я буду наконец один,
без соглядатаев за дверью,—
простой вселенский гражданин.

И будешь ты искать в золе
картошку... будем в полумгле
без грозных лозунгов—простые
два человечка на земле.

Нет школ, течений, и фронтов,
и сдвинутых столов, умов...
Над нами светится божествен
орган дождей, орган стволов!

Пусть километрах в двадцати
грохочет плазма взаперти.
Там женщина—мужчине ровня!
Век атомный, мужчин прости...

Не раз я голову ронял
на тот светящийся металл.
«Ты верь в себя, мой бедный мальчик»,—
мне голос нежный повторял...

Но, может, хватит горевать?
Давай укатим зоревать,
варить уху и с кружкой водки
про город Солнца заливать!

В краю костров, луны, осин,
где каждый зверь как исполин,
есть ещё царство
слабых женщин
и гордых
бронзовых мужчин!

В движущемся мире

Я в движущемся мире поездов
лежать порою сутками готов.
Однажды так и было—ночь текла
за толщею гранёного стекла,
а рядом шум стоял и детский плач...
Сломав, как хворост, свой прозрачный плащ,
я лёг... И получилось, что в купе
свет не горел. Не всё читать тебе!

Я думал, слепо глядя в потолок,
как от себя я прежнего далёк,
что ждёт меня не город, а холмы
и комаров плаксивых тьмы и тьмы,
горячий бор и паутины сон,
иглоки хвойных целый патефон,
махра и егерь, ржавые часы,
в траве ручьи зелёные чисты,
и взад-вперёд на дне жуки-жучки
бегут, как золотые рычажки!..

Я думал, смутно глядя в потолок,
что я и от попутчиков далёк,
они о чём-то тягостном своём—
про кубометры, краны, про заём,
про глупых тещ, про бани в Воркуте...
А я—загадка. Некто в темноте.
И я за них придумаю сейчас
про каждого—неслыханный рассказ.
В рассказе том: прощанье, свечи, ночь,
цыганская иль маршальская дочь...

Так думал я—и сладко было мне,
я в личной был, в загадочной стране...
И вдруг вагоном—из окна в окно—
пошло оно, внезапное оно.
Вдруг мощный свет поплыл вдоль полотна,
меня, как речку, выхватив до дна!

Свет полустанка, мой полночный гость,
меня, как речку, высветил насквозь!
И хоть опять пошла вагоном тьма,
порвалась сказки красная тесьма,
и вспомнил я фамилию свою
и где я на учёте состою...
и, застеснявшись и назло себе,
стал говорить я с кем-то о гульбе,
как спал под стулом, хоть пришёл в кино,
про цены на солярку и вино...

● ● ●
Вздохнула роща, зашумела—
зелёный свет в неё вошёл...
Раздвинул день свои пределы,
как в праздник раздвигают стол!